

Виктор Куркевич

История Киева

Киев

капиталистический

История Киева

Виктор Киркевич

**История Киева. Киев
капиталистический**

«ОМІКО»

2019

УДК 94(477)

Киркевич В.

История Киева. Киев капиталистический / В. Киркевич —
«ОМІКО», 2019 — (История Киева)

ISBN 978-966-03-8679-2

Четвертая книга проекта «История Киева» носит название «Киев капиталистический» и охватывает историю города со второй половины XIX в. до февраля 1917 года – момента, когда Российская империя прекратила свое существование. Как пишет автор, капитализм – материя скучная, в ней нет ничего романтического, как, например, в древней истории, или величественного, как в средневековом периоде существования Киева. Поэтому самое лучшее представление о жизни нашей столицы в эту эпоху дает, по мнению Виктора Киркевича, рассказ о знаменательных событиях, связанных с Киевом, и о людях, которые жили в нем. Об отношении к Киеву царя-освободителя Александра II и его сына Александра III Миротворца, о киевском периоде в жизни знаменитых философов Льва Шестова и Николая Бердяева, о первых исследователях истории города и украинского церковного искусства, об Игоре Сикорском и Казимире Малевиче, живших в Киеве и любивших его, и о многом другом читатель узнает из этой книги.

УДК 94(477)

ISBN 978-966-03-8679-2

© Киркевич В., 2019
© ОМІКО, 2019

Содержание

Предисловие	6
Царь-освободитель крестьян или мещан?	11
Александр II – государь и памятник	11
Кое-что о дедушке «дедушки Ленина»	25
Граф Бобринский и железная дорога	33
Героический кавказец в Киеве	35
Издатель газеты «Кіевлянинъ» Виталий Шульгин	39
Случай в Анатомическом театре	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктор Киркевич

История Киева. Киев капиталистический

© В. Г. Киркевич, 2019

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

*История – это правда, которая становится ложью. Миф – это
ложь, которая становится правдой.*

Жан Кокто

Предисловие

Вот и пришло время моему Читателю углубиться в 4-ю книгу «Истории Киева» под названием «Киев капиталистический». В Российской империи, где Киев занимал одно из ведущих мест, все социальные формулировки были условными и относительными. Что говорить, если и сегодня феодальные отношения превалируют в имперско-сталинской модели Российской Федерации, где всё решает Москва, и даже не город, а только Кремль – незабываемый оплот абсолютизма. А для рядового гражданина, не вникающего в дебри политики, со стороны почти не заметна их рокировка и смутно воспринимаются их перемещения.

При написании этого тома вполне закономерно возникла проблема – как изложить без фальши этот самый скучный период, занимательно, и без цифрового занудства, показать забавные, даже увлекательные страницы истории Киева и Украины. Тяжелая это работа – тянуть интеллигента из информационного болота! Эта искаженная цитата, взятая у Корнея Чуковского, пришла на ум на Андреевском спуске после общения со многими «пыхатыми» киевлянами, считающими себя «сливками общества» и уверенными в своем всезнайстве. Но «сливки» давно прокисли, а их знания формировались на школьных курсах «Истории СССР», да и то в состоянии полудремы. Вот в этом и беда! В Киеве, как и в других школах крупных городов *«от Москвы до самых до окраин»*, преподаватели были натасканы на «официально рекомендованном материале», напичканном цитатами партийных деятелей. Педагоги систематически и настойчиво вдавливали основы марксизма-ленинизма в детские головы. Ранние эпохи разбавлялись романтическими авторами художественных произведений, а вот эпоха капитализма «внедрялась» и «укреплялась» в развивающемся сознании советской «историко-патриотической» литературой, созданной членами «союзов писателей» с «псевдонимами». Не будем отрицать, большинство из них – не без таланта. В Киеве даже существовала редакция «Радянський письменник», но не был рад читатель! А в средней и высшей школе формировалась единая социальная общность – «советский человек»: без национальных признаков, с признаками умственной усредненности, такие «винтики», о которых говорил Сталин на банкете в Кремле по случаю Победы над Германией. Соответственно в сознании «трудящихся» не укладывалось какое-то маломальское понятие о полезности капитализма, где, по мнению учителей, процветали только эксплуатация нищего народа и социальная несправедливость. Если в более ранние периоды были «хорошие», воспетые советскими авторами, цари Иван Грозный и Петр I, то хорошие капиталисты и купцы в школьных учебниках по истории просто не присутствовали! Их никогда не существовало! Такое сложилось у советских людей «понятие»! Поэтому во всех учебниках по истории этого периода – только насилие – как «имели» простой народ кровавые цари и эксплуататоры. А вечно лгущие цифры превращали исторические исследования в пособия по математике.

Вот и хочется отметить, что устоявшаяся характеристика капитализма – неравное распределение благ, а врожденное качество социализма – равное распределение нищеты.

* * *

Приступим к изложению и немного позанудствуем. Я все-таки учился в советской школе и на историческом факультете «Коммунистического университета», так в 1920-х годах назывался университет имени Тараса Шевченко.

Перевожу исторические события в математические формулы, преобладающие в советской средней школе. Новые капиталистические отношения, зародившиеся в конце XVIII – первой половине XIX века, настойчиво требовали ликвидации крепостного права, которое стало

тормозом дальнейшего экономического развития украинских земель. Еще больше углубила эти противоречия Крымская война (1853–1856), которую Россия позорно проиграла. 3 января 1857 года был создан Секретный комитет, позднее переименованный в Главный комитет по крестьянскому делу, которое должны были решать дворяне. А как же иначе? Крестьянских объединений в государственном масштабе не существовало. 19 февраля 1861 года Александр II издал Манифест об отмене крепостного права и «Общее положение о крестьянах, освобожденных от крепостной зависимости». По этим документам крестьяне становились лично свободными, но за помещиками оставалось право собственности на их землю.

В ходе аграрной реформы территория Украины делилась на регионы по специфике проведения: 1) общинное землевладение (губернии Новороссийского края); 2) подворное землепользование (Левобережная Украина). Было сохранено крупное помещичье землевладение.

Крестьяне получили экономические права: могли покупать недвижимость, заниматься торговлей и промыслами, заводить предприятия, в том числе и фабрики. Однако крестьянство оставалось низким сословием в государстве с ограниченным правом передвижения. В результате земельной реформы крестьяне на юге и востоке потеряли 30 % своих наделов. На Правобережье правительство увеличило крестьянские наделы на 20 % с целью привлечь крестьян на свою сторону и ослабить польских магнатов и шляхту. В течение 49 лет крестьяне должны были выплатить выкупные платежи, хотя на Правобережье их уменьшили на те же 20 %. Внедрялась система крестьянского управления: сельские общины объединялись в волости, устанавливалась круговая порука за уплату налогов, что было не по душе людям, не желавшим работать.

Последствия реформы: 1) произошли коренные изменения в распределении земельной собственности; 2) товарно-денежные отношения становились доминирующими в хозяйствах помещиков и зажиточных крестьян; 3) более определенной становится специализация отдельных районов Украины; 4) применяют различные методы использования земли (аренду, ведение собственного хозяйства); 5) повысилась урожайность сельскохозяйственных культур вследствие использования машин, вольнонаемного труда, агрообоснованности посевов.

В 1864 году была проведена земская реформа. Создавалась система местного самоуправления. На Левобережной Украине создано 6 губернских и 60 уездных земских управ. На Правобережной Украине земское самоуправление было введено в 1911 году. Орган самоуправления в земских управах – губернское земское собрание. Исполнительные органы – губернские и уездные земские управы. Выборы проходили по имущественным цензам на три года.

Земства занимались организацией медицинской помощи, развитием образования, почты (уникальным явлением стали выпуски земских марок), собирали статистические данные для урегулирования налогов, занимались водоснабжением, благоустроивали дороги.

В 1864 году была осуществлена судебная реформа. Вместо сословного и закрытого суда ввели внесословный открытый, независимый суд. Вводились присяжные судьи. Суд проходил при участии двух сторон: защиты и обвинения. В Украине были созданы три судебных палаты: Киевская, Харьковская и Одеская. Приговоры, вынесенные без участия присяжных, могли быть обжалованы в судебных палатах. Был создан институт мировых судей, которые решали мелкие дела. Кассационные функции исполнял сенат. В 1864 году начали реформу образования. По «Положению о начальных народных училищах» внедрили единую систему начального образования. В области среднего образования создавали классические мужские и женские гимназии. Плата за обучение была высокой, но для среднего класса доступной. Право поступать в университет имели выпускники только классических гимназий, однако выпускницы женской гимназии подобных прав не имели. Поэтому высшее образование они могли получать только за границей. А девиц туда не пускали. Выезд за границу разрешался лишь замужним, поэтому кое-кто для достижения заветной цели вступал в фиктивный брак. В 1865 году осуществлена реформа цензуры, для этого были созданы специальные органы.

В 1870 году проведена городская реформа. Во всех городах Украины создавали городские думы. Выборы проводились на основе имущественного ценза. Исполнительный орган думы – городская управа, во главе которой стоял председатель. Они ведали хозяйством города.

Состоялась в 1864–1883 годах и военная реформа. В Украине созданы три военных округа: Киевский, Одесский, Харьковский. Реформа значительно укрепила армию. Начал действовать новый военный устав. Ввели всеобщую воинскую повинность (срок службы 6 лет, на флоте – 7). Духовенство освобождалось от службы. Были открыты военные училища и гимназии, юнкерские училища. Состоялось перевооружение армии.

Финансовая реформа была проведена в 1860–1864 годах. Создан государственный банк, введен единый государственный ревизионный центр, акцизное обложение спиртных напитков, увеличены налоги на товары массового потребления, созданы единые государственные кассы, в которых сосредоточивались все доходы и расходы государства.

Реформы 1860-1870-х годов были ограниченными, непоследовательными и половинчатыми, но они создали условия для экономического и политического развития страны в новых условиях. Развивалась промышленность, торговля, росли города и городское население, сельское население привлекалось в промышленность. Был открыт широкий путь к становлению индустриального общества.

В Украине начал развиваться капитализм. На протяжении 1860-1880-х годов завершился промышленный переворот, то есть переход от мануфактур к машинной индустрии, самыми характерными признаками которой было использование в производстве паровых двигателей, развитой системы машин и станков.

Основным промышленным топливом стал каменный уголь. Большие капиталистические предприятия – заводы и фабрики – для повышения производительности труда стали использовать достижения науки и техники. Экономическое развитие Украины в то время определяли, прежде всего, отрасли тяжелой промышленности – угольная, железорудная, металлургическая, машиностроительная.

Интенсивнее всего развивался Донецко-Криворожский железорудный бассейн – главная угольно-металлургическая база Украины. Со времени реформы 1861 года добыча каменного угля в Украине выросла более чем в 115 раз и составляла в 1900 году – 691,5 млн пудов – более половины общеимперской добычи. В конце 1890-х годов Украина давала свыше половины общеимперской выплавки чугуна – 92 млн пудов, и немного меньше половины железа и стали – 59 млн пудов. За последние два десятилетия XIX столетия в Екатеринославской и Херсонской губерниях появилось 17 больших металлургических заводов. Некоторые из них были построены на средства иностранных капиталистов. Английских – завод Джона Юза с рабочим поселком Юзовка (ныне Донецк), бельгийских – Днепровский завод в поселке Каменском, французских – Гданцевский завод возле Кривого Рога. Российские капиталисты стали собственниками Брянского завода возле Екатеринославля, Дружковского и Донецко-Юрьевского в Донбассе. С 1888 года за шесть лет в Украине было организовано 22 иностранных акционерных компании с уставным капиталом почти 63 млн рублей. Французский, бельгийский, английский и немецкий капиталы в значительной мере захватили ключевые позиции в каменноугольной, железорудной и металлургической промышленности Украины. Из иностранцев на многих заводах формировались административно-управленческий персонал, инженерно-технический состав, мастера и даже часть квалифицированных рабочих.

В результате реформ 1860–1870 годов значительный толчок для развития на основе капиталистических производственных отношений получили традиционные в Украине отрасли промышленности, связанные с сельским хозяйством. В первую очередь это касалось сахарной промышленности, где хозяйничали украинские, русские, польские и еврейские предприниматели Терещенко, Харитоненко, Бобринский, Хряков, Браницкий, Потоцкий, Бродский, Гальперин, Фишман, Гинзбург. Благодаря завершению технического переворота, концентрации производ-

ства на больших предприятиях, общее количество сахарных заводов в Украине с начала 1860-х и к середине 1890-х годов уменьшилось с 247 до 153, а количество рабочих наоборот увеличилось с 38 тысяч до 78 тысяч. Производство сахара на них выросло в 14 раз – с 1,6 млн до 23 млн пудов, что составляло 84 % производства всей Российской империи. Чтобы не допустить снижения цен на внутреннем рынке, наибольшие сахарозаводчики Украины объединились в сахарный синдикат – первое в Российской империи капиталистическое монопольное объединение, которое возникло в Киеве в 1887 году. Уже через 5 лет в его подчинении находилось свыше 90 действующих заводов в Украине.

В конце XIX столетия возникли большие предприятия транспортного машиностроения – Харьковский и Луганский паровозостроительные заводы. До 1900 года они построили 233 паровоза. В то время длина железной дороги в Украине достигала 8417 км. Первой с 1865 года считается железная дорога длиной 219 верст, соединившая Балту и Одессу. Позже, в интересах помещиков, занимавшихся экспортом хлеба, железные дороги строились в направлении азово-черноморских портов. А открытие в 1884 году Екатерининской железной дороги, соединившей Донбасс с Криворожьем, было обусловлено, прежде всего, потребностями развития тяжелой промышленности. Правительство, в ведении которого находилось всё железнодорожное строительство, руководствовалось в Украине военно-стратегическими соображениями, а не потребностями местной экономической жизни. Производство железнодорожных рельсов, которое в Украине составляло свыше трех четвертей от общего производства, преимущественно обслуживало Российскую империю с самыми длинными в мире железнодорожными магистралями. Все основные большие железные дороги направлялись к центрам России и Прибалтики. Преследовалась цель сохранить односторонний, фактически колониальный характер товарообмена, сложившийся между Украиной и Россией. Ведь только 15 промышленных предприятий в Украине производили готовую продукцию, а все остальные поставляли сырье для изготовления в Россию, что увеличивало стоимость продукции. Таким образом, накопление капиталов в России происходило за счет неэквивалентной торговли ее с провинцией. Да и регулирование цен за провоз грузов по железным дорогам было таким, что выгоднее было промышленную и сельскохозяйственную продукцию вывозить по железным дорогам за пределы Украины, чем развозить ее своим потребителям.

Колониальным аграрно-сырьевым придатком к промышленно развитым центральным и западным провинциям Австро-Венгерской империи оставались подвластные ей западноукраинские земли Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатья. Новую сельскохозяйственную технику и наемный труд использовали и зажиточные крестьяне. В конце XIX столетия из всего сельского населения западноукраинских земель таких насчитывалось в Восточной Галиции свыше 11 %, в Северной Буковине – свыше 8 %. Вместе с тем, почти половина крестьянских хозяйств считалась нищими. Нечего было ожидать от них товарной продукции – собранного урожая не хватало даже для прокорма собственной семьи крестьянина-бедняка.

Под властью Российской империи процесс социального расслоения украинского крестьянства в условиях капиталистического развития был еще более разительным. В конце XIX столетия зажиточные крестьяне в Украине составляли около четверти всего сельского населения, сосредоточив в своих руках около 40 % крестьянских земель и свыше 50 % рабочего и продуктивного скота.

Хозяйства некоторых крестьян-богачей, особенно на юге Украины, достигли размеров значительных помещичьих имений – в тысячу десятин земли и даже больше. В среднем на один крестьянский двор приходилось 10 десятин, а на одно дворянское поместье – 507 десятин. Свыше половины крестьянских хозяйств, земельная собственность которых так и не превышала 5 десятин, считались бедняцкими. Чтобы улучшить свою жизнь, крестьяне-бедняки нанимались к более зажиточным односельчанам, шли работать в помещичьи экономии. Многие из них вообще оставляли свои дома и временно или пожизненно нанимались на фабрики

и заводы. В конце XIX столетия в Украине насчитывалось до двух миллионов сельскохозяйственных работников. Теперь несколько подробнее о людях, сыгравших важную роль в этих событиях второй половины XIX века.

Царь-освободитель крестьян или мещан?

Александр II – государь и памятник

«Царь благодунный, царь с евангельской душою, с любовью к ближнему святою...» – так писал об Александре II Ф. И. Тютчев, и я с ним согласен. В отечественную историю этот император вошел как Освободитель. Главным в его царствовании и важнейшим событием в истории России стал Манифест 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права, а также последующие реформы в жизни государства. Империя сделала первый и очень важный шаг на пути буржуазного развития. Сам император признавался: *«У меня сознание, что я выполнил великий долг»*. Александр II находился в сложных условиях. Нужно обладать большим опытом, сильной волей и здравым смыслом, чтобы удержать власть и не сдаться разбушевавшейся стихии.

Император продолжил всё начатое отцом в нашем городе. Былая напыщенность исчезла, в стране развивались предпринимательство, общедоступность, железные дороги.

Динамичная рациональность и трезвый расчет пришли на смену пассивному служению и бюрократической субординации. Практицизм, стремление к преуспеванию, независимость во взглядах граждан начали сказываться на облике города. Так, в 1856 году Киев был соединен телеграфом с Петербургом и Одессой. На следующий год из столицы пришел указ о разрешении проведения летом Контрактной ярмарки. Для обеспечения обилия товаров на ней, а также и во всей округе, оживилось судоходство по Днепру, благоустроивалась Подольско-Крещатицкая набережная. В 1857 году владимирские кадеты перебираются в законченное здание Кадетского корпуса (арх. И. Штром) на Шулявке, громадное по тем меркам в Киеве, – теперь там Министерство обороны Украины. А в освобожденном Кловском дворце проводится 2-я Российская сельскохозяйственная выставка.

Кадеты. Открытка 1910-х гг.

Александр II с супругой посетили Киев 21 сентября 1857 года. На въезде в город, по Житомирскому шоссе, были выстроены триумфальные ворота из дерева. Они были настолько эффектными, что их изображали на почтовых открытках. Прием был не менее торжественным, чем при его отце и дяде. На следующий день в присутствии императорской четы открыли благотворительные заведения княгини Васильчиковой. К приезду приурочили освящение Присутственных мест (арх. И. Штром), где планировалось разместить губернскую администрацию. В 1870-е годы город пережил первый строительный бум. Новая фигура в этом строительстве – гражданский инженер. Возводились в основном 2-этажные обывательские дома. Кирпич для их строительства интенсивно поставляли более дюжины заводов. Новые строения преимущественно служили для сдачи квартир внаем и получения прибыли: зарождался новый тип доходного дома. Теперь главными были не внешние классические предпочтения домовладельцев, а удобство и привлекательность. Простые фасады украсили всевозможными гипсовыми завитками различных архитектурных стилей.

В империи повеяло ветром прогрессивных реформ и просвещения. В губернском городе открылись новые школы, просветительские и благотворительные организации и общества. Начали выходить газеты, в частности «Кіевлянинъ», «Кіевский телеграфъ». Все это свидетельствовало о демократизации общественной жизни после суровой политики Николая I. Это время связывают с именами трех деятелей переходного периода: генерал-губернатора князя И. И. Васильчикова, попечителя учебного округа Н. И. Пирогова, активиста проведения крестьянской реформы Г. П. Галагана.

И. И. Васильчиков. Фотография 1850-х гг.

Более всего вспоминают деятельность Николая Ивановича. Выдающийся педагог-гуманист, отложив в сторону скальпель и работу гениального хирурга, принялся лечить души, а не тела. Его педагогические начинания были настолько плодотворны, что и сегодня, через 170 лет, в системе всеобщего образования можно найти их отголоски. Университет Св. Владимира был освобожден от всех ограничений и получил автономию. Женщины допускались на слушание лекций. В школах строго запретили порку. Поощрялись литературные работы старшекласс-

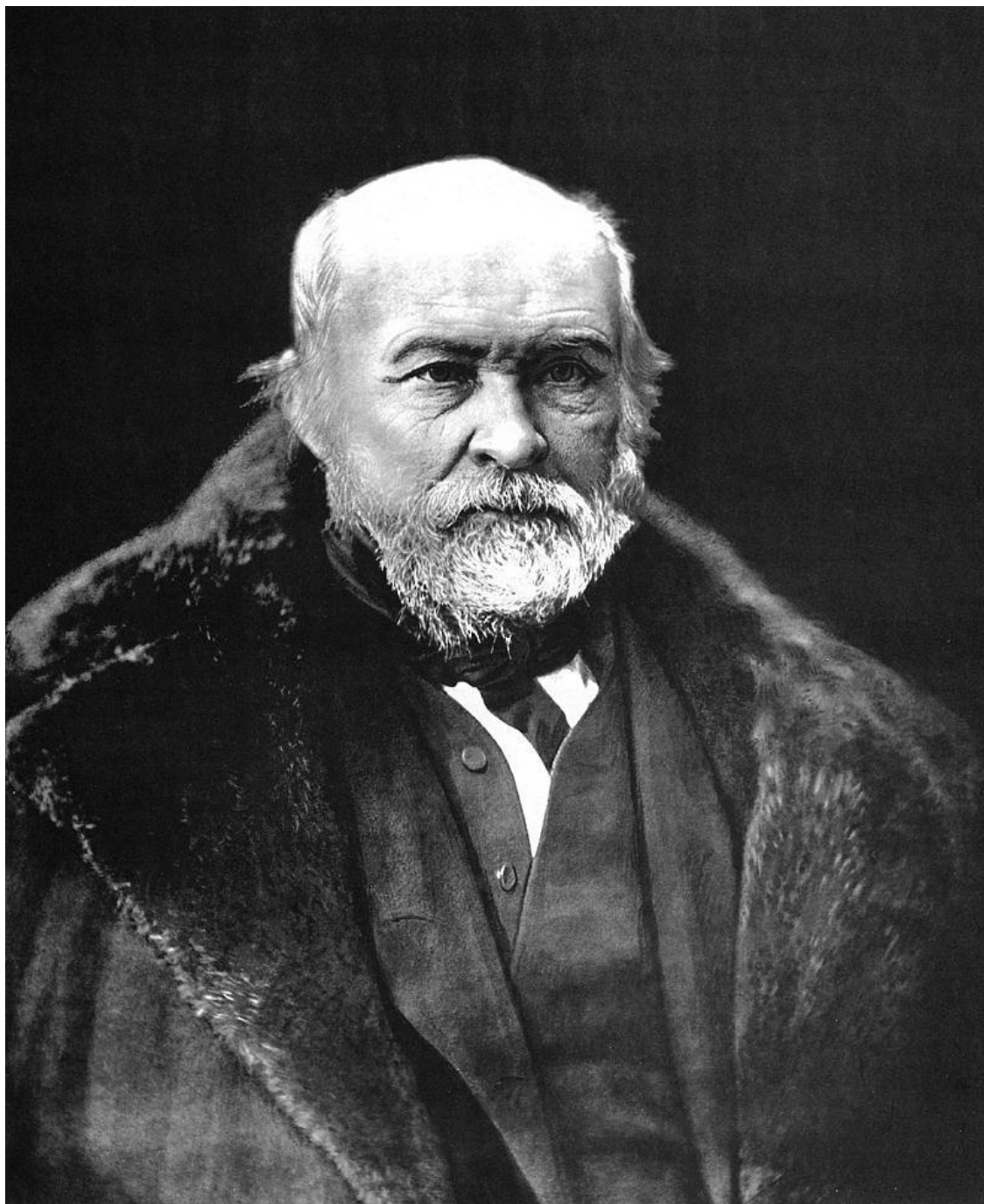
ников, ведение ими рукописных журналов, на все внеклассные мероприятия приглашались попечители. После реформы 1861 года открылась целая сеть просветительских организаций и народных школ в селах. В Киеве при участии Н. И. Пирогова были открыты воскресная школа и учительская семинария. Эту благодатную деятельность прервало восстание 1863 года, поддержанное поляками университета Св. Владимира. Николай Иванович пытался их утихомирить с помощью студентов-украинцев, что не понравилось администрации, отправившей его в отставку. Пирогов на прощальном обеде сказал: *«В моих глазах попечитель есть не столько начальник, сколько миссионер»*. Его возле 1-й гимназии провожало около 300 человек, а на почтовой станции под Киевом встретили еще 700. Там Пирогов, выйдя из экипажа, вспомнил о «царстве идей» и пообещал, что он никогда не расстанется со своими единомышленниками.

Е. А. Васильчикова. Фотография 1850-х гг.

Деятельность вице-президента временной комиссии по крестьянскому вопросу Григория Павловича Галагана проходила за пределами Киева, поэтому особенно останавливаться на ней не будем.

Киевский генерал-губернатор Илларион Илларионович Васильчиков был прирожденным аристократом, а своими манерами и образованием – полной противоположностью ревностному служаке Бибикову. К тому же время было другое, русификацию края следовало проводить более либеральными методами. В этот период возродилось национальное сознание украинской общественности, чаяния которой нужно было как-то совместить с настроениями поляков. Для тех и других «Ойчизна» или «Батьківщина» находились на одной и той же территории. По указаниям Васильчикова, которые он, безусловно, согласовывал с Александром II, прекратились преследования чиновников польского происхождения, возобновились дворянские выборы и изучение польского языка в учебных заведениях. При этом князь Васильчиков сочувствовал крестьянам во время их выступления против помещиков и был сторонником обязательного выкупа земельных наделов. Большой мечтой Васильчикова было приучить евреев к земледелию, поэтому он создал для них земледельческие колонии и школы. Но кто сейчас помнит об этом?

Н. И. Пирогов. Фотография 1870 г.

30 февраля 1856 г., всего лишь через несколько дней после вступления Александра II на престол, граф Киселев, председатель правительственной комиссии по еврейскому вопросу, предложил императору пересмотреть существующее законодательство о евреях для проведения в нем соответствующих изменений. В этих начинаниях граф нашел поддержку у князя Васильчикова и гражданского губернатора Гессе. Они в своих докладных на имя императора заявили о нехватке продуктов и дороговизне в Киеве из-за отсутствия евреев-купцов. Гессе докладывал императору: *«...Выселение из Киева евреев допущено в 1827 года, по представлению бывшего киевского военного губернатора Желтухина, вследствие ходатайства тогдашнего киевского купечества из христиан, выставлявшего в то время пребывание евреев в сем городе вредным для своей промышленности и для самой казны. Но киевское купечество не оправдало этой меры, ибо стремилось к монополии на все потребности к вреду прочего более значитель-*

ного населения... даже и собственно для себя не извлекло никаких выгод, по недостатку предприимчивости, потребных для торговли капиталов и затем несообразности частной своей жизни. Поглощающие все их приобретения на утоление развившейся между ними роскоши. Что касается соблюдения выгоды казны, то киевские граждане не только не принесли казне никакой пользы со времени выселения евреев, но, напротив того, вредили. Начальство при производившихся торгах на все значительные и экстренные подряды и поставки, видя явную склонность их к вреду казны, вынуждено было постоянно все эти операции отдавать евреям, делавшим весьма выгодное понижение цен... Из всего следует, что удаление евреев из Киева остановило развитие правильной торговли... Монополия вообще вредна для правильного развития торговли, но, по крайней мере, естественно бывает полезна для тех, в чьих руках находится; почти 30-летний опыт доказал, что киевское купечество не может похвалиться даже тем, на что естественно было рассчитывать, и, стесняя купцов-евреев и покупателей, жителей Киева, они не сумели быть даже полезным самим себе».

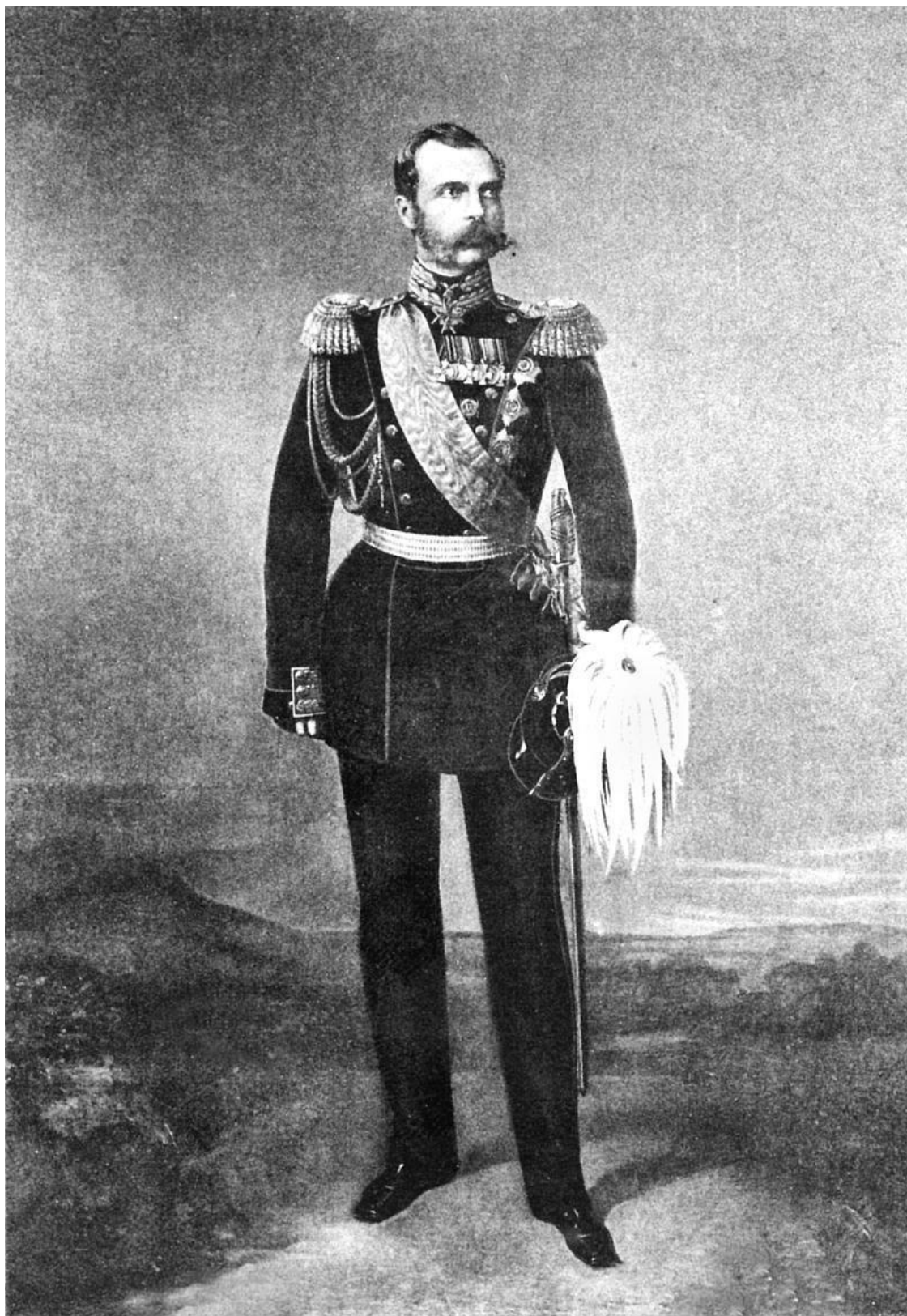
Николай Павлович Гессе Фотография сер. XIX в.

16 марта 1859 года министр внутренних дел в своем докладе на Совете министров высказался за необходимость предоставления евреям права постоянного жительства в Киеве на основе исключительных законов, а также временного пребывания всем евреям без исключения. На том же заседании было принято решение об изменении содержания 284 статьи XIV тома Свода закона (о паспортах и беглых): *«Купцам-евреям 1-й гильдии, как и иностранным купцам-евреям, предоставление свободного жительства в Киеве с их семействами и служа-*

цами». По указу Александра II от 30 декабря 1861 года евреям, имевшим высшее образование, разрешалось жить постоянно в Киеве вместе с семьями и прислугой, которая могла быть с ними одной веры. Читатель, безусловно, понимает, что разговор касается только лиц иудейского вероисповедания. Тех, кто принял православие, то есть стал «выкрестом», все запрети-тельные правила не касались. Но полноправными членами высшего общества они так и не стали, несмотря на свои богатства. Хотя, если разобраться, то было немало случаев их стреми-тельной карьеры. Далее в книге это можно проследить по биографии А. Д. Бланка.

В указе Сената по рассматриваемому вопросу было сказано: *«Его Императорское Вели-чество соизволил одобрить решение Сената о представлении права жительства в Киеве куп-цам и лицам с высшим образованием из евреев с их семьями и потребным количеством служа-щих, а также о дозволении временного пребывания в оном всем остальным евреям»*. Александр II утвердил этот указ.

Через четыре года император повелел разрешить жительство в Киеве, как и во всех горо-дах государства, еврейским ремесленникам, ученикам и подмастерьям, а всем членам семьи учащегося в правительственных учебных заведениях предоставлено было право жителя до окончания курса его обучения. К этому можно добавить, что наказание еврея-«преступника», прибывавшего в Киев и не входящего в вышеперечисленные категории, было незначительным, и за небольшое подношение можно было оставаться жить и дальше безо всяких забот. Таким образом, ряд богатых еврейских семейств – Бродских, Гальпериных и других закрепились в городе и заняли достойное и влиятельное положение коммерсантов и домовладельцев.

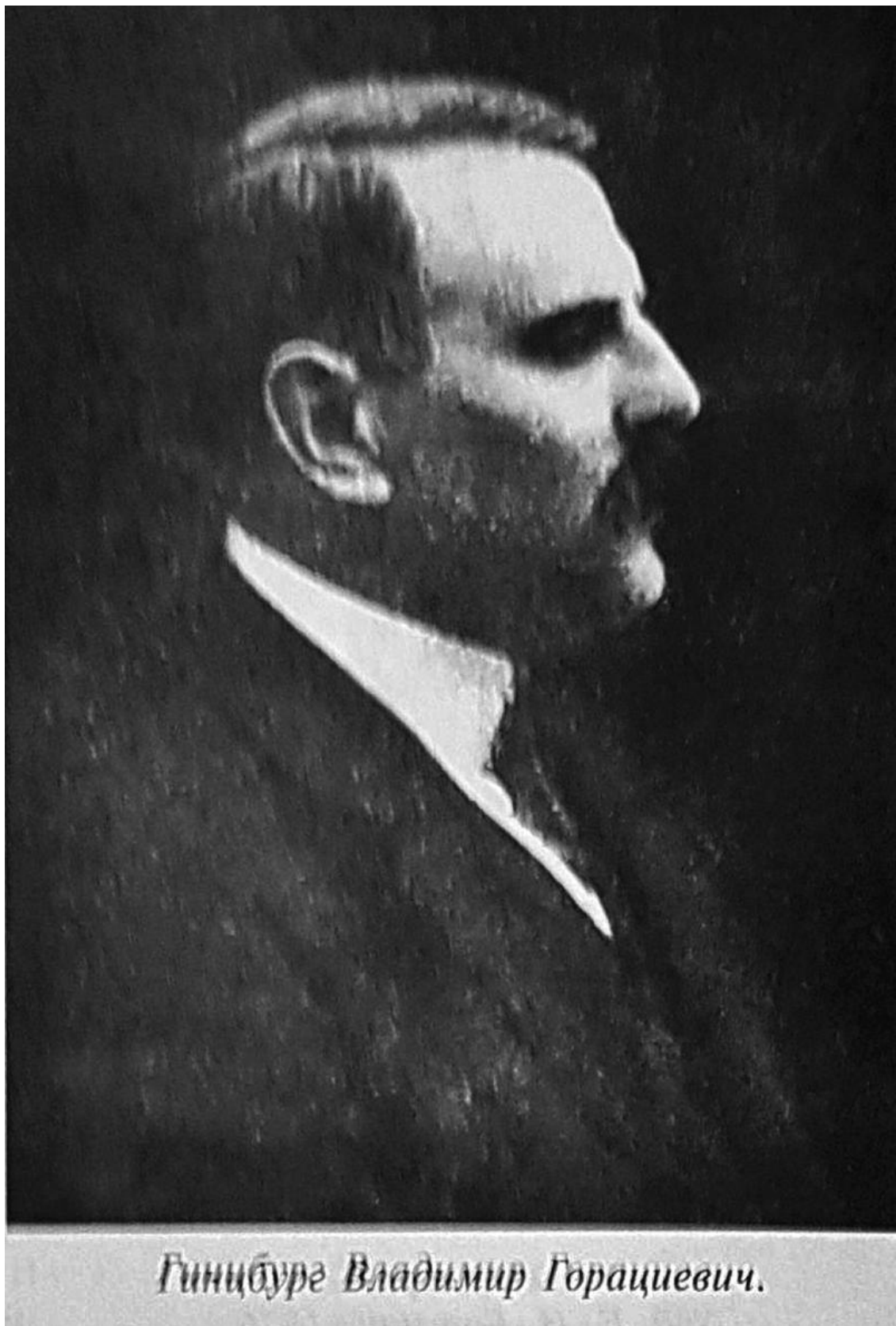

Александр II. Худ. Е. И. Ботман, до 1856 г.

Скажем пару слов о В. Г. Гинцбурге, почетном попечителе Киевской еврейской больницы и 2-го Коммерческого училища, почетном блюстителе Фундуклеевской гимназии, крупном библиофиле и меценате. Владимир Горациевич подарил Киевской публичной библиотеке

скульптурный портрет в рост Александра II работы М. М. Антакольского, который, ныне забытый, стоит в углу двора Киевского музея русского искусства.

Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить выпускника Житомирского раввинского училища Г. М. Бараца, родившегося в Дубно. Он – прямой потомок ученого-иудаиста и праведника Бен-Рабби-Цадока (аббревиатура «Барац»). Еще студентом университета его зачислили на службу в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, а с 1863 года Барац уже «ученый еврей» (была и такая совершенно фантазмагорическая должность в те времена) при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Десять лет трудился Барац цензором еврейских книг, и лишь уйдя в 1881 года в отставку, обратился к адвокатской практике. Барац был чудаковат и рассеян, в Киеве о нем ходили легенды. Одну из них пересказал хорошо знавший его Шолом-Алейхем: *«Он никогда не мог попасть к себе домой, пока не натькался на дощечку с надписью „Герман Маркович Барац“: Однажды Барац внимательно посмотрел на дощечку, прочитал указанные на ней часы приема – с трех до пяти. Взглянув на часы и убедившись, что сейчас всего лишь два, Барац решил, что Бараца, должно быть, нет дома. А раз Бараца нет дома, то Барацу здесь делать нечего. И он отправился на часок погулять в саду».*

Владимир Горациевич Гинцбург

Литературно-публицистическая деятельность Германа Марковича продолжалась 50 лет, с 1860-х годов. Он постоянно активно и плодотворно выступал с сериями статей, всегда актуальных, злободневных и исторически достоверных. Некоторые из них (о происхождении Руси)

я использовал для написания 1-го тома. Особенно важны для нашего периода содержательные «Материалы для истории водворения евреев на жительство в Киеве», напечатанные в нескольких номерах газеты «День», и затем собранные в отдельном оттиске (нач.1870-х). Особенно занимали Бараца памятники древнерусской письменности, над изучением которых он в течение многих лет трудился упорно и настойчиво, а результаты, представляющиеся ему верными и справедливыми, публиковал либо в периодической печати, либо за свои средства выпускал небольшими, но емкими брошюрами. Некоторые находятся в моей библиотеке. Эти работы, дополненные ранее неопубликованными, были выпущены в двух монументальных томах (причем первый из них в двух книгах) в 1924–1927 годах его сыном Л. Г. Барацом, также окончившим юридический факультет Киевского университета. Послужной список Льва Германовича не менее цветист, но значительно менее экзотичен, чем у его отца: директор Киевского отделения внешней торговли банка, профессор Киевского коммерческого института, присяжный поверенный, в 1914–1917 годах председатель контрольной комиссии Киевского общества по оказанию помощи евреям, пострадавшим от военных действий, автор многочисленных трудов по теории и технике банковского дела, финансам, статистике... В 1922–1925 годах, находясь в Берлине, Барац был избран членом Русского Академического союза, председательствовал в Культурно-просветительской комиссии Союза русских евреев в Германии, преподавал в Русском Научном институте. В память о сыне Марке, погибшем 9 февраля 1926 года, Лев Германович передал библиотеке своего родного Коммерческого института (тогда уже КИНХа) значительную часть не только собственной, но и родовой библиотеки, в основном по экономике, статистике и финансам. Все сведения о Барацах мне сообщил Я. И. Бердичевский.

Кое-что о дедушке «дедушки Ленина»

Украине не выпало «счастье» видеть на своей земле В. И. Ульянова (Ленина). От этого страдали, в первую очередь, советские украинские художники! Им приходилось изображать его в Кракове на Шевченковском вечере, в Шушенском, Париже... Но все биографы Ленина старались не вспоминать его родственные связи по матери. А ведь ряд народов по традициям определяют национальность по матери!

Родословную семьи Бланк начали изучать сестры Ленина – Анна и Мария. Анна Ильинична рассказывала: *«Старшие не могли нам выяснить этого. Фамилия казалась нам французского корня, но никаких данных о таком происхождении не было. У меня лично довольно давно стала являться мысль о возможности еврейского происхождения, на что наталкивало, главным образом, сообщение матери, что дед родился в Житомире – известном еврейском центре. Бабушка – мать матери – родилась в Петербурге и была по происхождению немкой из Риги. Но в то время как с родными по матери у мамы и ее сестер связи поддерживались довольно долго, о родных ее отца, А. Д. Бланка, никто не слышал. Он являлся как бы отрезанным ломтем, что наводило меня также на мысль о его еврейском происхождении. Никаких рассказов деда о его детстве или юношестве у его дочерей не сохранилось в памяти».* О результатах розысков, подтвердивших ее предположение, Анна Ильинична Ульянова сообщила Иосифу Сталину в 1932 и 1934 годах. *«Факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, – писала она, – не был известен при его [Ленина] жизни... Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта».* *«Молчать о нем абсолютно!»* – таков был категорический ответ Сталина. Да и вторая сестра Ленина, Мария Ильинична, тоже полагала, что факт этот *«пусть будет известен когда-нибудь через сто лет».*

Мария Александровна Ульянова

Ста лет еще не прошло, но уже опубликованные данные позволяют с достаточной уверенностью проследить родословную семьи Бланк...

Прадед Ленина – Моше Ицкович Бланк – родился, видимо, в 1763 году. Первое упоминание о нем содержится в ревизии 1795 года, где среди мещан города Староконстантинова Волынской губернии под № 394 записан Мойшка Бланк. Откуда появился он в здешних местах – трудно сказать. Впрочем...

Анна Ильинична Ульянова

Некоторое время тому назад известный библиограф Майя Дворкина ввела в научный оборот любопытный факт. Где-то в середине 1920-х годов архивист Юлиан Григорьевич Оксман, занимавшийся по заданию директора Ленинской библиотеки В. И. Невского изучением родословной «вождя мирового пролетариата», обнаружил прошение одной из еврейских общин Минской губернии, относящееся якобы к началу XIX века, об освобождении от подати некоего мальчика, ибо он является *«незаконным сыном крупного минского чиновника»*, а посему, мол, община платить за него не должна. Фамилия мальчика была Бланк.

По словам Оксмана, Невский повез его ко Льву Каменеву, а затем втроем они явились к Николаю Бухарину. Показывая документ, Каменев буркнул: *«Я всегда так думал»*. На что Бухарин ему ответил: *«Что вы думаете – неважно, а вот что будем делать?»* С Оксмана взяли слово, что он никому не скажет о находке. И с тех пор этого документа никто не видел.

Так или иначе, Моше Бланк появился в Староконстантинове, будучи уже взрослым, и в 1793 году женился на местной 29-летней девице Марьям (Марем) Фроимович. Из последующих ревизий следует, что он читал как по-еврейски, так и по-русски, имел собственный дом, занимался торговлей, и плюс к тому, у местечка Рогачево им было арендовано 5 моргов (около 3 га) земли, которые засеивались цикорием. В 1794-м у него родился сын Аба (Абель), а в 1799-м – сын Сруль (Израиль). Вероятно, с самого начала у Моше Ицковича не сложились отношения с местной еврейской общиной. Он был *«человеком, который не хотел или, может быть, не умел находить общий язык со своими соплеменниками»*. Иными словами, община его просто возненавидела. И после того как в 1808 году от пожара, а возможно и поджога, дом Бланка сгорел, семья переехала в Житомир.

Много лет спустя, в сентябре 1846 года, Моше Бланк написал письмо императору Николаю I, из которого видно, что уже «40 лет назад» он «отрекся от евреев», но из-за «чрезмерно набожной жены», скончавшейся в 1834-м, принял христианство и получил имя Дмитрий лишь 1 января 1835 года.

Но поводом для письма стало иное: сохраняя неприязнь к своим соплеменникам, Дмитрий (Моше) Бланк предлагал – в целях ассимиляции евреев – запретить им ношение национальной одежды, а главное, обязать их молиться в синагогах за российского императора и императорскую фамилию.

Любопытно, что в октябре того года о письме было доложено Николаю I и он полностью согласился с предложениями «крещеного еврея Бланка», в результате чего в 1850-м евреям запретили ношение национальной одежды, а в 1854-м ввели соответствующий текст молитвы. Исследователь Михаил Штейн, собравший и тщательно проанализировавший наиболее полные данные о родословной Бланк, справедливо заметил, что по неприязни к своему народу Моше Ицковича *«можно сравнить, пожалуй, только с другим крещеным евреем – одним из основателей и руководителей Московского Союза русского народа В. А. Грингмутом»*. О том, что Бланк решил порвать с еврейской общиной задолго до своего крещения свидетельствовало и другое. Оба его сына, Абель и Израиль, как и отец, тоже умели читать по-русски, и когда в 1816 году в Житомире открылось уездное (поветовое) училище, они были зачислены туда и успешно его окончили. С точки зрения верующих евреев, это было кощунство. И все-таки принадлежность к иудейскому вероисповеданию обрекала их на прозябание в границах черты оседлости. И лишь событие, случившееся весной 1820 года, круто изменило судьбы молодых людей...

В апреле в Житомир прибыл в служебную командировку «высокий чин» – правитель дел так называемого Еврейского комитета, сенатор и поэт Д. О. Баранов. Каким-то образом Бланку удалось встретиться с ним, и он попросил сенатора оказать содействие его сыновьям при поступлении в Медико-хирургическую академию в Петербурге. Баранов евреям отнюдь не

симпатизировал, но довольно редкое на то время обращение двух «заблудших душ» в христианство, по его мнению, было делом благим, и он согласился. Братья сразу же отправились в столицу и подали прошение на имя митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Михаила. *«Поселясь ныне на жительство в С. – Петербурге, – писали они, – и имея всегдашнее обращение с христианами, греко-российскую религию исповедующими, мы желаем ныне принять оную».*

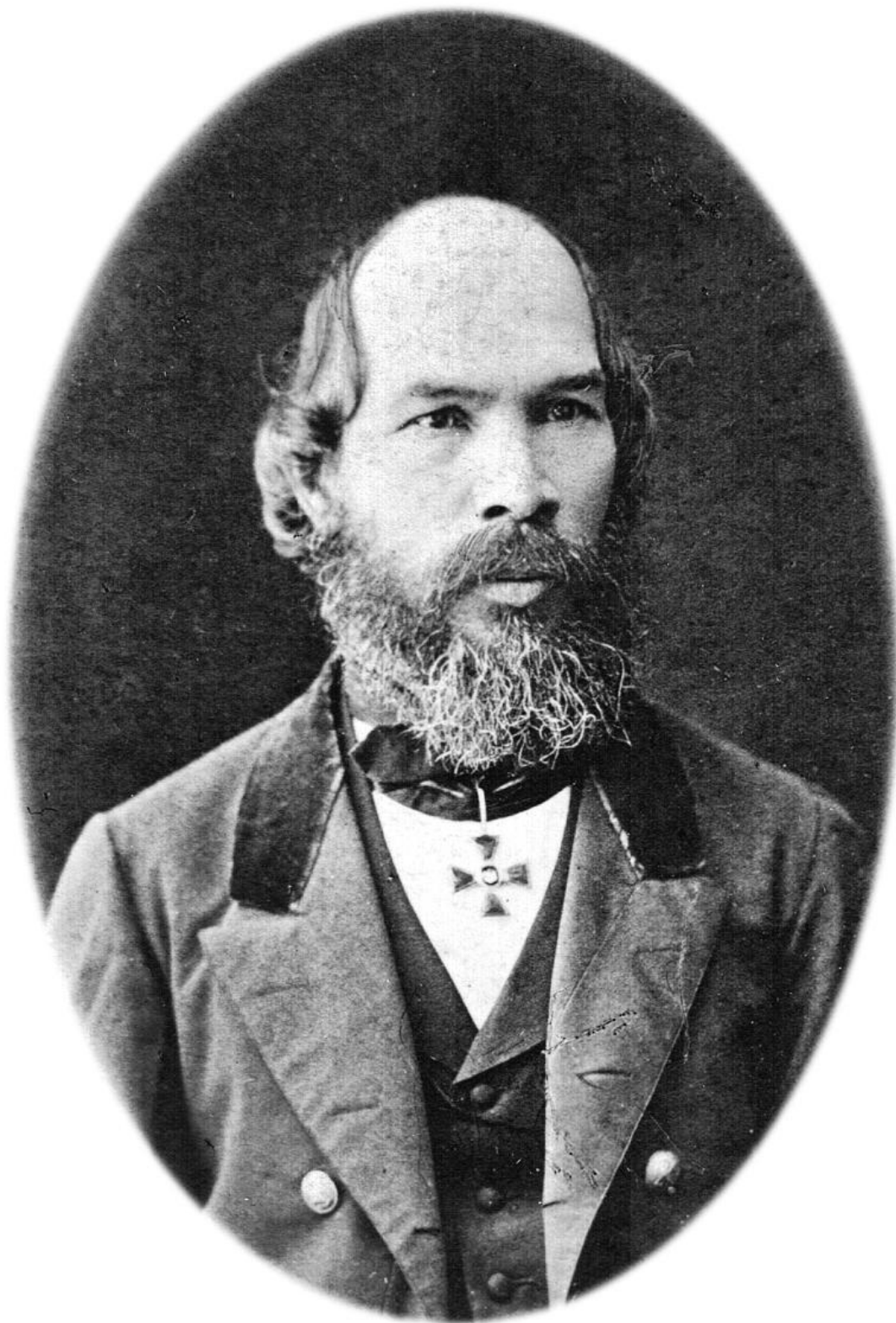
Ходатайство удовлетворили, и уже 25 мая 1820 года священник церкви преподобного Сампсония Странноприимца в Санкт-Петербурге Федор Барсов обоим братьев «крещением просветил». Абель стал Дмитрием Дмитриевичем, а Израиль – Александром Дмитриевичем. Младший сын Моше Бланка новое имя получил в честь своего восприемника (крестного отца) графа Александра Ивановича Апраксина, а отчество – в честь восприемника Абея, сенатора Дмитрия Осиповича Баранова. А 31 июля того же года, по указанию министра просвещения, князя Александра Николаевича Голицына, братьев определили «воспитанниками Медико-хирургической академии», которую они и окончили в 1824-м, удостоившись ученого звания лекарей 2-го отделения и презента в виде карманного набора хирургических инструментов. Дмитрий Бланк остался в столице полицейским врачом, а Александр в августе 1824 года начал службу в городе Поречье Смоленской губернии в должности уездного врача. Правда, уже в октябре 1825-го он вернулся в Петербург и был зачислен, как и его брат, врачом в штат полиции города. В 1828 году его произвели в штаб-лекари. Пора было подумать и о женитьбе... Крестный отец, граф Александр Апраксин, был в то время чиновником особых поручений при Министерстве финансов. Так что Александр Дмитриевич, несмотря на происхождение, вполне мог рассчитывать на приличную партию. Видимо, у другого своего благодетеля – сенатора Дмитрия Баранова, увлекавшегося поэзией и шахматами, которого посещал Александр Пушкин и у которого собирался чуть ли не весь «просвещенный Петербург», младший Бланк и познакомился с братьями Грошопфами и был принят в их доме. Глава этой весьма солидной семьи Иван Федорович (Иоганн Готлиб) Грошопф был из прибалтийских немцев, состоял консулентом Государственной юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел и дослужился до чина губернского секретаря. Его супруга Анна Карловна, в девичестве Эстедт, была шведкой, лютеранкой. Детей в семье было восемь: трое сыновей – Иоганн, служивший в русской армии, Карл, вице-директор в департаменте внешней торговли Министерства финансов, Густав, заведовавший рижской таможней, и пять дочерей – Александра, Анна, Екатерина (в замужестве фон Эссен), Каролина (в замужестве Биуберг) и младшая Амалия. Познакомившись с этой семьей, штаб-лекарь сделал предложение Анне Ивановне.

Дела у Александра Дмитриевича поначалу складывались неплохо. Как полицейский врач он получал 1 тыс. рублей в год. За «расторопность и усердие» не раз удостоивался благодарностей. Но в июне 1831-го, во время холерных беспорядков в столице, взбунтовавшейся толпой был зверски убит его брат Дмитрий, дежуривший в центральной холерной больнице. Эта смерть настолько потрясла Александра Бланка, что он уволился из полиции и более года не работал. Лишь в апреле 1833-го он вновь поступил на службу – ординатором в городскую больницу святой Марии Магдалины для бедных из заречных районов Петербурга. Между прочим, именно здесь у него в 1838 году лечился Тарас Шевченко. Одновременно (с мая 1833-го по апрель 1837 года) Бланк работал в Морском ведомстве. В 1837-м, после сдачи экзаменов, он был признан инспектором врачебной управы, в 1838-м – медико-хирургом. А в 1877-м ему присвоили чин действительного статского советника, равный по табели о рангах генеральскому званию и дававший право на потомственное дворянство. Расширялась и частная практика Александра Дмитриевича. Среди пациентов были представители высшей знати. Это позволило ему переехать в приличную квартиру во флигеле одного из роскошных особняков на Английской набережной, который принадлежал лейб-медику императора и президенту Медико-хирургической академии баронету Якову Васильевичу Виллие. Тут в 1835 году

и родилась Мария Бланк. Крестным отцом Машеньки стал их сосед – в прошлом адъютант великого князя Михаила Павловича, а с 1833 года – шталмейстер Императорского двора Иван Дмитриевич Чертков.

В 1840-м Анна Ивановна тяжело заболела, умерла и была похоронена в Петербурге на Смоленском евангелическом кладбище. Тогда заботу о детях целиком взяла на себя ее сестра Екатерина фон Эссен, овдовевшая в том же году. Александр Дмитриевич, видимо, и прежде симпатизировал ей. Может поэтому родившуюся в 1833 году дочь он назвал Екатериной. После смерти Анны Ивановны они сблизятся еще больше, и в апреле 1841 года Бланк решает вступить с Екатериной Ивановной в законный брак. Однако подобные браки – с крестной матерью дочерей и родной сестрой покойной супруги – закон не разрешал. И Екатерина фон Эссен становится его гражданской женой. В том же апреле они все покидают столицу и переезжают в Пермь, где Александр Дмитриевич получил должность инспектора Пермской врачебной управы и врача Пермской гимназии. Благодаря последнему обстоятельству Бланк познакомился с учителем латыни Иваном Дмитриевичем Веретенниковым, ставшим в 1850 году мужем его старшей дочери Анны и преподавателем математики Андреем Александровичем Залезским, взявшим в жены другую дочь – Екатерину.

В историю российской медицины Александр Бланк вошел как один из пионеров бальнеологии – лечения минеральными водами. Выйдя на пенсию в конце 1847 года с должности доктора Златоустовской оружейной фабрики, он уехал в Казанскую губернию. Там в 1848-м в Лаишевском уезде было куплено имение Кокушкино с 462 десятинами (503,6 га) земли, водяной мельницей и 39 крепостными крестьянами. 4 августа 1859 года Сенат утвердил Александра Дмитриевича Бланка и его детей в потомственном дворянстве, и они были занесены в книгу Казанского дворянского депутатского собрания. Вот так Мария Александровна Бланк оказалась в Казани, а затем в Пензе, где и познакомилась с Ильей Николаевичем Ульяновым... Их свадьбу 25 августа 1863 года, как до этого и свадьбы других сестер Бланк, сыграли в Кокушкине. 22 сентября молодожены уехали в Нижний Новгород, где Илья Николаевич получил назначение на должность старшего учителя математики и физики мужской гимназии. 14 августа 1864-го родилась дочь Анна. Спустя полтора года – 31 марта 1866-го – сын Александр... Но вскоре – горестная утрата: появившаяся на свет в 1868-м дочь Ольга, не прожив и года, заболела и 18 июля в том же Кокушкине умерла...

Илья Николаевич Ульянов. Фотография после 1882 г.

6 сентября 1869 года Илья Николаевич был назначен инспектором народных училищ Симбирской губернии. Семья переезжает в Симбирск (ныне Ульяновск), который в то время был тихим провинциальным городком, насчитывавшим чуть более 40 тыс. жителей, из которых 57,5 % значились мещанами, 17 % – военными, 11 % – крестьянами, 8,8 % – дворянами,

3,2 % – купцами и почетными гражданами, а 1,8 % – людьми духовного звания, лицами прочих сословий и иностранцами. Соответственно, город делился на три части: дворянскую, торговую и мещанскую. В дворянской были керосиновые фонари и дощатые тротуары, а в мещанской держали по дворам всякую скотину, и живность эта, вопреки запретам, разгуливала по улицам. Здесь у Ульяновых 10 (22) апреля 1870 года родился сын Владимир. 16 апреля священник Василий Умов и дьячок Владимир Знаменский крестили новорожденного. Крестным стал управляющий удельной конторой в Симбирске действительный статский советник Арсений Федорович Белокрысенко, а крестной – мать сослуживца Ильи Николаевича, коллежская ассессорша Наталия Ивановна Ауновская.

Граф Бобринский и железная дорога

Бобринский А. А. родился в Санкт-Петербурге 19 января 1800 года. Родителями его отца Алексея Григорьевича считаются Григорий Григорьевич Орлов и Екатерина II. Фамилия получена от подаренного царственной матерью для обеспечения сына села Бобрики в Тульской губернии. Мать Алексея Алексеевича – Анна Владимировна, урожденная баронесса Унгерн-Штернберг. После обязательной военной службы, продлившейся более 10 лет, он вышел в отставку ротмистром. После нескольких лет забот сельского хозяина в деревне он возвращается в Петербург, чтобы служить в министерстве финансов. Ум, деятельность и знания графа обратили на него внимание министра графа Канкрин, который поручил ему выполнение многих финансовых вопросов. В 1821 году он женился на фрейлине императрицы Софии Александровне Самойловой. От нее по наследству получил обширное Смелянское имение в Черкасском уезде. Организовав и построив там один рафинадный и шесть сахарных заводов, Бобринский постоянно их совершенствует. Около 70 предприятий, построенных в Киевской губернии по примеру Алексея Алексеевича, создали для исправления своих машин и аппаратов образцовые механические мастерские в Смеле, Городище, Шполе и других местах. На всех своих предприятиях Бобринский использовал только национальные кадры – воспитанников Петербургского технологического института. Туда он направлял на учебу наиболее способных крестьян, взяв с них слово вернуться на его заводы. Прошу заметить, что он отправляет их как свободных людей и, уважая их, уверен в их порядочности, берет с них слово.

Привлекали внимание графа и другие отрасли сельского хозяйства. В своих имениях он один из первых ввел самоуправление крестьян. Когда Бобринский почил 4 октября 1868 года в Смеле, то 2000 крестьян провожали его в последний путь, и, вместо лошадей, по очереди везли карету с гробом до железнодорожной станции, носящую имя графа – Бобринская. Памятник графу А. А. Бобринскому, созданный И. Н. Шретером, был открыт 6 февраля 1872 года. А так как он был учредителем, компаньоном и директором первой в России Царскосельской железной дороги, то его изобразили опирающимся правой ногой на рельс и поставили возле вокзала.

Экономика города развивалась быстрыми темпами, благодаря А. А. Бобринскому открылось железнодорожное сообщение. Еще Николай I в 1830-х годах ответил Новороссийскому губернатору М. С. Воронцову: *«Полагаю, что устройство железной дороги будет и лучше и полезнее всего: надо определить, откуда ее начать»*. Приведенную резолюцию императора принято считать первым предложением проведения железной дороги в нашей стране, и это значительно раньше признания в Западной Европе полезности стальных магистралей. Интересно, что при обсуждении между императором и губернатором, какие дороги лучше шоссе или железные, высказал свое мнение министр финансов граф Канкрин: *«Железные дороги усиливают склонность к ненужному передвижению с места на место и без того свойственную нашему веку, выманивая при этом излишние со стороны публики издержки»*.

Вокзал Киево-балтийской железной дороги. Худ. А. Нисченков, 1870 г.

Чсть строительства железной дороги по Украине, в частности в Киеве, выпадает на Александра II, который 21 мая 1866 года утвердил сооружение Киево-Балтской железной дороги. Его представили «Товариществу Де-Вриер и Ко» простым подрядным способом. Это нововведение было столь необходимо заводчикам и промышленникам Юго-Западного края, что они ходатайствовали об ускорении строительства. Все увенчалось успехом, и вскоре началось движение поездов из Киева.

Памятник А. А. Бобринскому на Бибиловском бульваре. Открытка 1910-х гг.

Героический кавказец в Киеве

Сейчас некоторые утверждают, что в империях, царской или советской, хорошо относились к малым народностям. А если разобраться, то по-настоящему их не замечали, как идущий по траве человек не обращает внимания на букашек. Всегда государственные чины считали, что легче управлять однородным населением. Поэтому при некоторых царях и генералиссимусах время от времени происходили переселения, ассимиляция и такая «чисто житейская вещь», как обрусение. Для примера возьмем данные о судьбах малых народностей Кавказа.

Сражением, произошедшим у Красной Поляны 21 мая 1864 года и победой царизма закончилась многолетняя русско-кавказская война. После чего началось полноценное осуществление плана Ермолова и Лазарева, главным принципом которых был девиз: «Нет людей – нет проблем». Они стирали села с лица земли и безжалостно вырезали население. Взгляните на количество этнических групп в районе Сочи до и после геноцида:

Шапсуги – было 300 000, осталось 4 983;
Абадзехи – было 260 000, осталось 14 660;
Натухаевцы – было 240 000, осталось 147;
Бжедуги – было 60 000, осталось 15 263;
Темиргоевцы – было 80 000, осталось 3 140;
Жанеевцы – было 1 200, осталось 0;
Махошевцы – было 8 000, осталось 1 204;
Гатукаевцы – было 20 000, осталось 606;
Садзы – было 63 000, осталось 0;
Убыхи – было 15 000, осталось 0.

Таким образом, распространенный имперский девиз зазвучал по-другому: «Уничтожай и властвуй!»

О пребывании борца за свободу народов Кавказа Шамиля в нашем городе известно так мало, что позволю себе остановиться на этом более подробно. В начале декабря 1868 году Шамиль с семейством прибыл в Киев. С ним был сын Гази-Магомед, со своей второй женой Хабибат, на которой женился еще в Калуге.

Попечительство над Шамилем было поручено военному коменданту города генерал-лейтенанту Новицкому. Милютин направил ему секретную инструкцию «О порядке надзора за Шамилем», которую утвердил Александр II. Первый пункт ее гласил: *«Правительство,веряя киевскому коменданту надзор за Шамилем, возлагает на него также обязанность ограждать его от всего, что может тяготеть его положение, и в уважительных просьбах быть за него ходатаем»*. За имамом сохранялся *«присмотр постоянный, но для него не стеснительный»*, повышенное содержание (15 тыс. руб. в год), а также предусматривались дополнительные деньги на другие нужды. Казалось, деньги немалые, но семья была еще больше – дети, невестки, жены, внуки. Поэтому жили скромно, без роскоши, снимали усадьбу офицерши Масаловой. А инструкция имела больше совецательный характер, чем запретный, скорее, руководство по тактичному обращению с новым гражданином Российской империи. Шамилю отвели часть дома на Крепостном переулке. Незамедлительно после приезда жилище уважаемого горца обступила киевская публика, охочая до зрелищ. Самые проницательные запрашивались на прием, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Украинские патриоты после своих визитов оставляли, как бы невзначай, рукописные списки поэмы Т. Шевченко «Кавказ». Ссылные мусульмане приходили к имаму совершить свой пятничный намаз. Шамиль прогуливался по городу в национальной одежде, всегда в сопровождении сына. Власти высказали пожелание, чтобы деликатно подвели имама к перемене веры. Поэтому ему рассказывали о христианстве, водили по храмам. С ним посетили Софийский собор, спускались в Лаврские

пещеры. Для него это было чуждо и не вызвало ни малейшего интереса, все мысли были заняты желаемым паломничеством в Мекку и Медину. А Днепровские кручи ему нравились. Каждый день он выходил на отроги гор и с юношеской легкостью прирожденного горца спускался стремительно вниз, к самой реке. Там долго стоял и смотрел на лед, ожидая скорейшего ледохода. Столь желаемое дальнейшее путешествие было возможно только из Одессы, а до нее можно было добраться исключительно водным путем. А тут лед!

Он из Киева писал кавказскому наместнику Михаилу Николаевичу, там были такие строки: *«В настоящее время являюсь слабым и дряхлым, боюсь, чтобы без исполнения святого моего долга не пришлось мне расстаться с земной жизнью и поэтому обращаюсь к Вашему Императорскому Высочеству с самой искренней просьбой, испросить у Государя Императора разрешения отправиться мне с семейством в Мекку и вместе с тем пристроить моих взрослых дочерей, оставив в России дорогих сынов моих Гази-Магомеда и Магомед-Шапи. По исполнении святой моей обязанности, если Бог продлит мои дни, я долгом сочту возвратиться в Россию».*

Узнав об этом, Александр II разрешил выезд Шамиля, но пришлось пару месяцев потратить на оформление дипломатических формальностей и получение заграничного паспорта сроком на один год. Разрешение отправиться в паломничество получили все родственники Шамиля, кроме старших сыновей. Магомед-Шапи не отпустили со службы, а Гази-Магомед проводил отца до посадки на пароход из Одессы. Из Киева отплыли 12 мая 1869 года, и вскоре достигли порогов. Там несколько километров по суше, потом снова по воде до Одесского порта. Шамиль не задерживался в приморском городе и 18 мая имам провожал глазами уменьшающую фигуру сына на причале. Гази-Магомед вернулся в Киев к своей молодой жене и маленькой дочурке.

Имам Шамиль с сыновьями. Фото XIX в.

После годового путешествия по исламским странам Востока, где его встречали с триумфом, Шамиль обосновался в Медине. Там он определил младшего сына в медресе, а дочь выдал замуж. Но не принесла Аравия счастье семейству Шамиля – начали одна за другой умирать дочери, и имам сам тяжело заболел. Летом 1870 года он написал в Киев письмо своим сыновьям с просьбой приехать повидать его перед смертью. Братья обратились к Александру II с просьбой позволить навестить отца, но, учитывая, что Магомед-Шапи находился на военной службе, император разрешил выехать в Аравию, которая находилась в составе постоянно воюющей с Россией Османской империи, только киевлянину. Дипломатические и бюрократические проволочки привели к тому, что Гази-Магомед потерял драгоценное время и смог отправиться в путь лишь через полгода, оставив в Киеве жену и дочь. Те страны, через которые он проезжал, спеша к отцу, находились во враждебных отношениях с Россией. Они стремились вовлечь наследника имама в сферу своих интересов, но Гази-Магомед вел себя крайне сдержанно, и мечтал только увидеть отца живым. Но не судилось. 4 февраля 1871 года героя Кавказа не стало. Шамиля похоронили на кладбище аль-Бакия неподалеку от могилы дочери Пророка Фатимы, за мавзолеем Аббасидов. Гази-Магомед совершил все необходимые обряды над могилами отца и сестер. Отпуск подходил к концу, вдовы отца просили его остаться, но нравственная обязанность сдержать слово заставила его вернуться в Киев. Там его уже ждал Магомед-Шапи. Снова братья обратились к императору с просьбой разрешить уехать навсегда – для поддержки осиротевшего семейства Шамиля. Александр II разрешил Гази-Магомеду дать бессрочный отпуск «для опеки над вдовами Шамиля и малолетним сыном». Ему выдали пенсию имама, и он получил на дорожные расходы 7 тыс. руб. В конце ноября 1871 года киевский наиб отправился в Мекку. Дальнейшее не касается моего города, поэтому сообщу, что умер он в 1902 году и похоронен рядом с отцом, а его младший брат Магомед-Камиль дослужился до турецкого маршала и в 1951 году скончался.

Семейство имама Шамиля. Литография, В. Т. Тимм, 1860 г.

Издатель газеты «Кіевлянинъ» Виталий Шульгин

Один из основных источников об истории нашего – города газета «Кіевлянинъ». Ее создатель, первый редактор-издатель, профессор Виталий Яковлевич Шульгин родился в Калуге, 15 апреля 1822 года. Родители его принадлежали к среднему чиновничьему классу, социальное положение которых заставляло постоянно менять место жительства, перебрасывая их из Калужской в Черниговскую губернию. Именно там, в Нежине, произошел несчастный случай. По неосторожности няньки мальчик получил искривление позвоночника, сделавшего его горбатым. Подобный физический недостаток часто служит толчком к развитию душевных качеств и умственного развития, при этом лишая индивидуума многих физических наслаждений. Виталий Шульгин сумел приобрести, развить и сохранить в себе ценное и полезное до такой степени, что окружающие при общении с ним забывали о внешнем недостатке телосложения. Все находили невыразимую привлекательность в его лице, особенно в пронизательных, искрившихся живым умом глазах, необыкновенно доброжелательной улыбке и словах, по необходимости переходивших от выражения мягкого, безобидного юмора в жесткий, едкий сарказм. Когда его отца перевели в Киев, Виталий стал посещать 1-ю гимназию. Уже тогда сложилось индивидуальное пристрастие, – выпускать с товарищами рукописный журнал. В гимназиях умели поощрить и поддержать литературные наклонности воспитанников. По воспоминаниям, журнал *«был характера серьезного, содержания преимущественно историко-литературного и имел немало влияния на воспитанников, так и на возбуждение в них любви к умственным занятиям»*. В 1838 году Шульгин был уже в университете Св. Владимира. О Шульгине вспоминали: *«Это был истинный студент-отшельник, не знавший ничего кроме аудиторий и лекций. Усидчивость, страсть к занятиям, серьезность, отсутствие всякой игривости, резко отличали его»*. В то время требования к студентам ограничивались лишь внешней, формальной стороной, обязывали их носить форму, аккуратно посещать лекции и не пропускать церковные службы в воскресные и праздничные дни. В личную жизнь студента не вмешивались, предоставляя возможность развлекаться, спорить до утра в товарищеских кружках, писать стихи, делать всё, что угодно, но упаси Боже, без политики. Соблюдая все эти условия, можно было, не утруждая тонкостями науки благородные головы, пройти благополучно все курсы и получить аттестат. Но получить знания было затруднительно из-за отсутствия учебников и пособий. Тем более что в факультетские курсы для студентов было введено много побочных дисциплин, и они считались обязательными. Шульгин по слабости здоровья был освобожден только от фехтования и танцев. Особенно у него проявилась склонность к историческим наукам, хотя преподавание их, в первую очередь античности, в университете было довольно вялым. Окончив университетский курс, В. Шульгин начал свою деятельность в качестве преподавателя 2-й гимназии и в Институте благородных девиц. В 1849 году Шульгин представляет в качестве диссертации талантливое исследование *«О состоянии женщин в России до Петра Великого»*.

Виталий Яковлевич Шульгин

Достигнув осуществления своих заветных мечтаний, получив почетный пост профессора, Виталий Яковлевич, со свойственными ему серьезностью и трудолюбием принялся за выполнение новых обязанностей. Один из его слушателей, впоследствии тоже профессор, А. В. Романович-Славатинский, вспоминал: *«В. Я. Шульгин в течение 13 лет, с 1849–1862 г., преподавал всеобщую историю, переходя от древней к новой. С особенной любовью и увлечением он занимался последней; кто помнит его чтения по истории древнего Востока, тот может засвидетельствовать, что он был истинным мастером и истории древней. Он обладал редким талантом лектора – уделом немногих избранных, для которых профессорская деятельность как бы предназначена природой. Шульгин, можно сказать, был таким прирожденным профессором. В своих лекциях по всеобщей истории он умел в изящной форме, в*

отчеканенной, рельефной фразе, художественно воссоздавать исторических деятелей и драматизм исторических событий, сокровенный смысл которых он умел разъяснять с точки зрения современной исторической науки, на уровне которой он всегда стоял сам и держал своих слушателей». Лекции и преподавательские обязанности занимали много времени, но не мешали появлению научных трудов: «Историческое обозрение учебных заведений в Юго-Западной России с конца XVIII века до открытия университета в Киеве», «История университета Св. Владимира за первое 25-летие его существования», «Юго-Западный край в последнее 25-летие (1838–1863)». Перечень этих сочинений характеризует нравственный облик и научный потенциал Шульгина. Во всех произведениях профессор обращает внимание не на этническую, внешнюю, военную историю родного края, а на социальные условия его развития. Это хорошо прослеживается в трех курсах древней, средней и всеобщей истории, которые Шульгин выпустил в 1856–1862 годах. Благодаря им его избрали на должность экстраординарного профессора, он занимал самостоятельную кафедру, но не был доктором, чему препятствовало состояние здоровья и семейные обстоятельства. Отдаваясь полностью учебе, а потом преподавательской работе, молодой человек не покидал своих родителей. К этому времени женился старший брат. Супруга его, а вскоре появившиеся дети образовали большую семью. Но какой-то злой рок обрушился на них. За короткое время профессор потерял всех близких – мать, отца, брата и его жену... Оставшись одиноким, беспомощным, с малолетними, больными племянниками, Шульгин 25 апреля 1863 года покинул университет.

Несмотря на свое физическое увечье, Виталий Яковлевич женился. Благодатная семейная обстановка позволила ему снова вернуться к прерванным лекциям. В Юго-Западном крае особо ощущалась острая необходимость в местном печатном органе. В Киеве, который являлся административным центром, была уже газета «Киевский Телеграф». Она не могла удовлетворить запросы обывателей, так как обладая скромными материальными ресурсами, становилась на сторону той или иной купившей ее политической группировки, стремившейся овладеть умами и возродить свое влияние. В первую очередь польской католической, потерпевших поражение в восстании 1863 года. В то время под понятием «русский» понималась не национальность, а вероисповедание. Под это определение попадали православные – украинцы, россияне, белорусы. Теперь понятно выражение, с которым обратился Шульгин в объявлении об издании газеты «Киевлянинъ» в июне 1864 года: *«Этот край русский, русский, русский!»*

В то время католический процент населения Юго-Западного края был довольно высок, и царская администрация ожидала нового бунта. Поляки, справедливо считавшие воссоздание независимой Отчизны святой обязанностью, отличались сплоченностью и самопожертвованием, а всё Левобережье они считали своим краем. Поэтому первоочередной задачей новой газеты было прояснить истинное положение Юго-Западного края в прошлом и настоящем; дать идеологическую опору вытекающим из этого местным потребностям. Первое время газета, прежде всего, старалась исследовать и осветить недавнее прошлое, учесть достижения и ошибки прежней политики по отношению к Юго-Западному краю. «Киевлянину» и Шульгину принадлежит несомненная заслуга неуклонного отстаивания интересов украинского населения. «Городовое положение», примененное к Киеву, создало почву для обсуждения вопросов и дел городского хозяйства. «Киевлянинъ» всегда был на стороне интеллигентной части Киевской думы, выступая против спекуляции и чрезмерной эксплуатации здоровых производительных сил. Газета первая предложила мелкий сельский кредит, притом не только краткосрочный, который, в конце концов, привел к созданию среднего класса, уничтоженного действиями большевиков.

Виталий Яковлевич принимал участие во всех сферах общественной деятельности – он среди гласных Городской думы, член совета городского взаимного кредита, член совета коллегии Павла Галагана, участник местных благотворительных обществ. Но всегда уклонялся от мест и должностей, где не мог активно участвовать или получать за это жалование. Вот эта

активная общественная позиция перешла и к его сыну Василию Витальевичу, который родился 13 января 1878 года и стал легендарной личностью XX столетия. О нем я тоже скажу, но позже. Основатель «Кіевлянина» Виталий Яковлевич умер на своем посту, успев выпустить последний в 1878 году номер, но не успев просмотреть, по обыкновению, корректурный оттиск.

Случай в Анатомическом театре

Хочу рассказать вам один интересный случай, действительно случившийся в Киевском анатомическом театре. Сначала пару слов о месте действия. В середине XIX века в Киеве был построен анатомический театр для медицинского факультета Киевского университета. Он строился по проекту архитектора А. В. Беретти в стиле русского классицизма, примечателен своей архитектурой, сводчатыми подвалами. Анатомический театр считался одним из лучших в России, а вскоре прославился и в Европе своими уникальными коллекциями, собранными профессорами А. П. Вальтером («Развитие различных зародышей и собрание черепов») и В. А. Бецем («Анатомические и гистологические препараты мозга»). Рассказывать об открытии В. А. Бецема, похороненного в Выдубицком монастыре, касающемся *«гигантских клеток колоссальных пирамид в коре головного мозга»* я не буду, т. к. это несколько отвлечет нас от сути самого рассказа.

А теперь обращаюсь к газете «Киевлянин» № 146 за 1876 год. А рассказывается там о следующем происшествии. *«Выдавал как-то один отставной солдат, служащий в театре анатомии, свою дочь замуж. Но где сыграть свадьбу? Неужели в анатомическом театре, этой обители смерти? Больше нигде: по обычаю следует в доме невесты, да у жениха, кажется, и дома не было. После венчания привезли молодых в маленькую комнатку при анатомическом театре, где молодая жила с отцом. Собрались знакомые. Незаметно и полночь подкралась. Вдруг разгулявшимся гостям захотелось танцевать. Мигом пригласили из соседнего кабака двух скрипачей и трубача. Только где плясать? Комнатка так мала, что повернуться в ней трудно.*

– Сюда, сюда, пожалуйста! – недолго думая, кричит отец молодых и ведет всех в залу.

Зажгли несколько висевших над столами ламп, темная зала вспыхнула желтоватым светом, заигравшим тысячью радужных переливов на оконных стеклах, покрытых морозными узорами холодной ночи. Взвизгнули скрипки, грянула своя замогильную, глухую ноту труба отставного солдата-музыканта – и свадебный бал помчался бесшабашным вихрем. Стучат каблук танцующих трепака гостей, а длинные темные тени их прыгают по стенам и морозным стеклам больших окон залы. Ликует анатомия!

Вот долетают звуки веселого пиришества и до сонных ушей соседних театру обитателей. Что это? Где музыка? Выглянули в окошечко или вышли на улицу: кругом черная мгла. Глядь! Хорошо известные всем окна залы, где студенты людей режут, горят светом и оттуда доносится... визг, писк, шум и гам – в полном смысле сатанинская музыка. Ночь же вокруг еще гуще и чернее. Странно! Онемели от ужаса обитатели. На улице составила толпа.

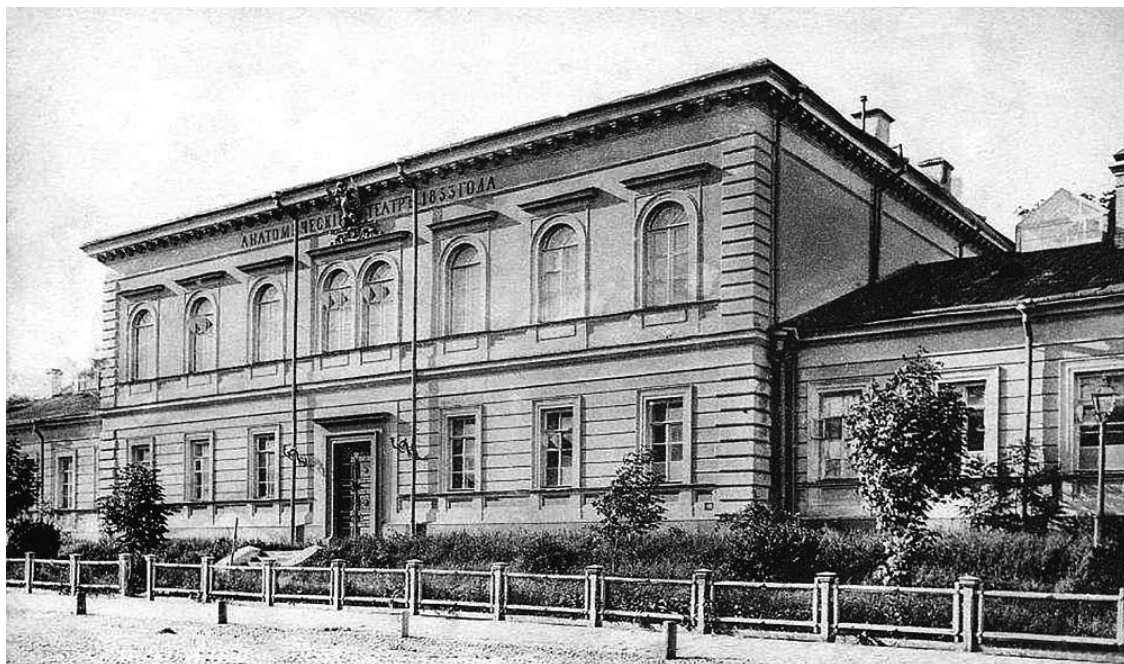
– Мертвецы повставали и пляшут! – слышится в толпе.

– Нет, черти! – возражает другой голос.

– Вон и хвост виден! – добавляет третий.

И все в испуге жмутся друг к другу. К счастью, проезжал мимо театра один из преподавателей. Толпа и музыка привлекли его внимание. Он немедленно отправился в театр и, к изумлению танцующих, предстал перед их пьяные очи.

Долго потом подсмеивались студенты-медики над отцом злополучной невесты и над проживающими у него молодыми, брачное пиришество которых так комически разрушилось в блаженную минуту веселья».

Анатомический театр Киевского университета. Фотография 1906 г.

Анатомический театр спокойно существовал до 1918 года. Когда Россию захлестнула гражданская война и Киев занимали то красные, то белые, то петлюровцы, то немцы, то белополяки, это помещение тогда использовали как морг. И в романе «Белая гвардия» Булгаков, рассказывая о поисках Николкой и Ириной Най убитого героя Най-Турса, пишет именно об этом анатомическом театре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.